

Можно не без оснований сомневаться, были ли первобытные живописцы изобретателями колеса. Вряд ли и аэродинамические формы родились именно в искусстве... Искусство далеко от стремления вступать в соревнование с наукой.

Основная линия научной фантастики — перспектива развития науки, техники, общества в будущем. Но не только этим занимается научная фантастика. Сейчас появляются книги, которые уже не укладываются в эстетические каноны этого сравнительно недавно возникшего и столь многообразного жанра.

Вот книга известного уральского геолога проф. А. А. Малахова «Бунт минералов»¹. На титульном листе подзаголовки: «В мире реальной фантастики». *Реальная фантастика!* Что скрывается за этим странным на первый взгляд сочетанием слов?

А. А. Малахов рассказывает о письме некоего краеведа Ивана Ивановича, обнаружившего необычное скопление минералов: геология считает невозможным совмещение в одной жиле минералов кислых и щелочных пород. К тому же это «запрещенное» сочетание минералов появилось вдруг, внезапно, в месте, всем хорошо знакомом и исследованном. И, пытаясь разобраться в этом странном явлении, геолог, от лица которого ведется рассказ, выдвигает смелую, поистине «сумасшедшую» идею: в тот день, когда Иван Иванович обнаружил внезапно появившуюся жилу — 23 февраля 1956 года, на Солнце произошел атомный взрыв, равный силе взрыва миллиона водородных бомб. Не этот ли взрыв стал причиной удивительного феномена природы?! Такова идея одного из шести рассказов Малахова. Что в нем реального, а что фантастического? Конечно, Ивана Ивановича не было, не было и его письма, не было и ряда других чисто литературных деталей, опущенных мною при пересказе. Но феномен «запрещенного» сочетания минералов был, и он до сих пор не объяснен наукой. А. А. Малахов, естественно, еще не имеет данных для подтверждения своего предположения. Но кто знает, может быть, его догадка со временем превратится в научную гипотезу, а затем — и в научную теорию?

Можно по-разному относиться к новому роману И. Ефремова «Лезвие бритвы». Вряд ли стоит относить его к лучшим

¹ А. А. М а л а х о в, Бунт минералов, Свердловск, Среднеуральское книжное издательство, 1964.

произведениям этого талантливого ученого и писателя. Но нельзя отрицать, что роман вызвал огромный интерес, который объясняется не детективно-приключенческим сюжетом, а прежде всего смелыми идеями в области психологии, биологии и эстетики. Безусловно, и здесь мы имеем дело с реальной фантастикой.

Ярко, увлекательно, в запоминающихся художественных образах рассказывает о поэзии науки, о научном поиске, о риске и дерзании *научно-художественная беллетристика*. Она отчасти напоминает научно-популярную литературу, но между ними есть весьма существенная разница. Научно-популярная литература знакомит нас в доступной форме с конкретными достижениями науки, а научно-художественная беллетристика не ограничивает свои задачи популяризацией достижений науки.

Как и искусство в целом, этот жанр раскрывает эстетическое отношение человека к науке и технике — другими словами, анализирует восприятие общественным человеком тех великих перемен, которые происходят в знаниях человека о мире. И здесь, как и в других жанрах искусства, основным является не «предметный», а «человеческий» план, хотя, конечно, предметный план занимает в научно-художественной литературе сравнительно большое место.

Не случайно особенно широкое распространение научно-художественная литература получила в современный период, когда невиданно возрос интерес широких масс народа к науке и ее проблемам. Остановимся на некоторых произведениях этого жанра.

Д. Данин определил свою книгу «Неизбежность странного мира» как заметки «путешественника, побывавшего в удивительной стране элементарных частиц материи, где перед ним приоткрылся странный мир неожиданных идей и представлений физики нашего века. В своих путевых заметках автор и рассказал о том, что увидел. Рассказал для тех, кому еще не случалось проходить тем же маршрутом»¹. Идя по этому маршруту вместе с умным и добрым гидом, писатель знакомится с такими замечательными людьми, как Эйнштейн и Бор, Курчатов и Капица, Скобельцын и Ландау. Здесь нет их биографий, но автор умело вводит нас в их творческую лабораторию. «Перед мысленным взором де Бройля маячили разрешенные

¹ Д. Данин, *Неизбежность странного мира*, М., «Молодая гвардия», 1962, стр. 1.

орбиты электронов в атомном пространстве...»¹ — начинает автор один из разделов третьей главы второй части книги. И читатель следит за ходом мысли физика, узнает, как ученого осенила догадка: «Не связан ли электрон с какой-то волной, которая как бы ведет его — управляет его движениями?»² Вместе с де Бройлем читатель переживает колебания и сомнения и с ним приходит к выводу о квантовой лестнице уровней энергии в электроне. Так рассказывает Данин о физике.

Мы стоим еще у колыбели этого многообещающего жанра, но нет сомнения, что перспективы его развития поистине безграничны и художественные возможности неисчерпаемы. Повествуя о своем удивительном странствии, Д. Данин как бы остается в тени. А вот в хорошей книге Елены Сапариной «Кибернетика внутри нас» автор на первом плане. Рассказывая о бионике, Е. Сапарина делится с читателем своими впечатлениями о научных институтах и лабораториях, недоумевает, сомневается, убеждается или отрицает.

Говоря о научно-художественной литературе, трудно не вспомнить Н. Г. Чернышевского, который неоднократно писал об искусстве как о могучем средстве распространения научных знаний. Для Чернышевского искусство — это «такой учебник, которым с наслаждением пользуются все люди, даже и те, которые не знают или не любят других учебников»³. Искусство может оказать неопределимую пользу в распространении знаний о мире, оно способно «распространять в огромной массе людей понятия, добытые наукой»⁴.

Некоторые исследователи оспаривают правомерность применения к научно-художественной беллетристике термина «человековедение», а поэтому и правомерность отнесения ее к художественной литературе и, значит, к искусству вообще. Но разве исследование Одиссеи человеческого разума, творческих дерзаний и подвигов ученых и инженеров не есть неотъемлемая часть человековедения? Думается, что и этому жанру присущи общие закономерности искусства, которое всегда ставит в центр своего внимания именно человека.

Очевидно, научно-художественный жанр может иметь место не только в художественной прозе. «Приключения» человеческой мысли могут, вероятно, образно и увлекательно раскры-

¹ Д. Данин, *Неизбежность странного мира*, стр. 215.

² Там же, стр. 216.

³ Н. Г. Чернышевский, *Полное собрание сочинений в 16-ти томах*, т. II, М., Гослитиздат, 1949, стр. 116.

⁴ Там же, стр. 117.

ваться силами кино. Цитированные выше стихи поэта Солоухина доказывают, что и поэзия отнюдь не чужда этому жанру. Будущее покажет, надо полагать, его возможности и в других видах искусства. При всем своеобразии научно-художественного жанра (к сожалению, еще очень плохо изученного) этот жанр искусства подчиняется общим законам мышления в образах. И в нем основным объектом изучения являются не те или иные свойства данного предмета или явления (это дело науки), а эстетическое отношение человека к этим предметам и явлениям. Именно здесь, очевидно, и проходит водораздел между научно-художественной и научно-популярной литературой. Последняя рассматривает свойства явлений и предметов независимо от отношения к ним человека и поэтому даже при широком использовании образности не относится к области искусства.

«Повивальной бабкой» научной мысли могут стать, конечно, не только эти новые жанры художественной литературы, но и старые, «традиционные». Романы «Иду на грозу» Д. Гранина, «Битва в пути» Г. Николаевой, уже упоминавшаяся философская лирика В. Солоухина, фильм «9 дней одного года» и многие другие произведения искусства — ни к научно-фантастическому, ни к научно-художественному жанру не принадлежат. В этих произведениях нет чудесных машин, науки и техники будущего, нет и «реальной фантастики», и все-таки и они непосредственно влияют на научно-техническое творчество, дают ему социальное осмысление. Они посвящены подвигу ученого или конструктора, рассказывают о замечательных борцах за научно-технический прогресс. Такие художественные произведения, воспевающие пафос научного исследования, рассказывающие о жизни подвижников науки, особенно ценны для молодежи.

Наука и техника прочно входят в труд и быт нашего современника. Ныне трудно, если не невозможно, правдиво воссоздать его психологию, не касаясь проблем техники и науки, не показывая влияния научно-технического прогресса на его жизнь. В подготовительных материалах к неоконченному роману «Черная металлургия» А. Фадеев справедливо указывал, что писатель «обязан привыкнуть к технической терминологии в современном романе, ибо *нельзя написать современный роман, обходя вопросы техники в наш век невиданного технического развития...*

Другое дело, что предметом литературы является не техника, а человек. Значит, надо писать о человеке, а техника тогда

сама собой приобретет такое же естественное звучание в романе, как естественно звучала старая техника, или описание природы, или специфическая собачья или лошадиная терминология в классическом романе»¹. Человек, наука, техника неотделимы в современной жизни, неотделимы они и в искусстве! Все чаще и чаще писатель, драматург, киносценарист ведут нас за собой в кабинет ученого, в лабораторию, в научно-исследовательский институт. Возьмем хотя бы театр последних лет. Герои трагедии «Фауст и смерть» А. Левады, академик Дронов из пьесы «Все остается людям» С. Алешина размышляют о роли и месте науки в современном мире, о назначении ученого, его гражданском долге — это темы, прочно вошедшие в наше искусство.

А поэзия! Такие разные и непохожие друг на друга поэты, как М. Борисова, Е. Долматовский, Р. Рождественский, Л. Вышеславский, Н. Асеев, А. Вознесенский, В. Лившиц, В. Костров и многие другие, посвящают свои стихи кибернетике, космическим полетам, микромиру. Поэты пишут о квантах, электронных машинах, тяготении, протонах и электронах. Можно ли было в стихах поэтов, живших еще полстолетия назад, найти такие образы, такие сравнения: «мой кот, как радиоприемник» (А. Вознесенский), «электрифицированная берлога» (Б. Слуцкий)...

Космонавт, ученый, инженер-конструктор становятся объектом пристального художественного изучения наших живописцев и скульпторов. На одной только зональной выставке «Урал социалистический» (1964) более сорока полотен живописцев и произведений графики и скульптуры были посвящены этой животрепещущей теме...

В наши дни наука властно вторгается в область киноискусства. Прекрасный фильм М. Ромма «9 дней одного года» глубоко заинтересовал зрителей страстной полемической постановкой проблемы назначения и подвига ученого.

Что же дают такие произведения науке, какую помощь оказывают ее развитию? Новых открытий они не содержат, да и не претендуют на них. А вот в формировании гражданского облика научного работника, в воспитании в нем чувства ответственности перед народом, любви к своей профессии они могут (и должны) принести неоценимую пользу! Понятно, что простая фиксация факта — человек склонился над микроскопом — мало чем поможет в решении этой задачи. Несколько

¹ «Искусство кино», 1959, № 3, стр. 5.

подобных картин на выставке «Урал социалистический» оставили зрителей равнодушными. Зато произведения подлинно художественные живо воспринимаются людьми науки и в первую очередь нашим студенчеством. Вспоминается диспут в Уральском университете о романе Д. Гранина «Иду на грозу». С какой страстью спорили завтрашние физики о героях романа, о том, что значит быть настоящим ученым, подвижником науки! Крылов и Тулин, герои этого романа, оказались действительно типичными, их черты будущие ученые находили у себя, у своих товарищей, у преподавателей. Такой спор стоил десятка лекций об облике советского ученого. Правда, некоторые из выступавших на диспуте студентов и научных работников пытались зачеркнуть значение романа на том основании, что в нем, по их мнению, есть отдельные погрешности против современной теории атмосферного электричества. Однако эти выступления не получили поддержки аудитории. Досадно, конечно, что в книге Гранина есть такие небрежности. Но вряд ли кто-нибудь открывает эту книгу в надежде пополнить свои познания по атмосферному электричеству: не для того написан роман. Зато романтика научного подвига показана в нем ярко и зажигательно. Можно, не боясь ошибиться, сказать, что не один вчерашний школьник под влиянием этой книги решил посвятить свою жизнь науке. Роман «Иду на грозу» помогает в борьбе с балластом в науке, бездарностями и тупицами, а подчас и просто нечестными, примазавшимися к науке людьми. Разве всем этим искусство не оказывает реальную помощь науке?!